

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Гуссерль Эдмунд

Кризис европейского человечества и философия

I

В этом докладе я попытаюсь вновь возбудить интерес к столь много обсуждавшейся теме европейского кризиса, раскрыв философско-историческую идею (или теологический смысл) европейского человечества. Поскольку я укажу на важную роль, которую должны играть в этом смысле философия и ее ответвления – наши науки, европейский кризис выступит в новом свете.

Начнем с общеизвестного – с различия между естественнонаучной медициной и так называемым «лечением силами природы». Последнее возникает в повседневной жизни народа из наивной эмпирии и традиции, тогда как естественнонаучная медицина основывается на воззрениях чисто теоретических наук, прежде всего анатомии и физиологии, на их представлениях о человеческой телесности. Они же, в свою очередь, основываются на всеобщих фундаментальных науках, объясняющих природу, – физике и химии.

Перейдем теперь от человеческой телесности к человеческой духовности – теме так называемых наук о духе. Предмет их теоретического интереса – люди как личности, их личностная жизнь и деятельность и, соответственно, ее продукты. Личностная жизнь – это когда Я и Мы живут сообщественно, в горизонте общности, а именно в различных простых и иерархизированных общностях, таких, как семья, нация, сверхнация. Слово жизнь здесь не имеет физиологического смысла: оно означает жизнь целенаправленную, создающую продукты духа, в наиболее полном же смысле – культуротворящую жизнь в единстве определенной историчности. Все это и есть тема многообразных наук о духе. При этом ясно, что существует различие между бурным цветением и загниванием, или, можно сказать, между здоровьем и болезнью, также и для общностей, народов, государств. Поэтому очевиден вопрос: почему здесь не родилась научная медицина – медицина наций и сверхнациональных общностей? Европейские нации больны, говорят нам, сама Европа в кризисе. В естественных средствах лечения нет недостатка. Мы прямо-таки тонем в потоке наивных и экзальтированных реформаторских идей. Но почему столь высокоразвитые науки о духе пасуют перед тем, что успешно осуществляют в своей сфере науки естественные?

Тот, кто проникнут духом современной науки, не замедлит с ответом. Величие естественных наук состоит в том, что они не удовлетворяются наглядной эмпирией, что для них любое описание природы – лишь методический подступ к точному, в конечном счете физико-химическому объяснению. Считается, что «чисто описательные» науки привязывают нас к конечности земной среды. Математически точная наука о природе, напротив, охватывает своими методами бесконечность в ее действительных и реальных возможностях. Она воспринимает наглядно данное как чисто субъективное, относительное явление и учит путем систематического приближения постигать самое сверхсубъективную («объективную») природу, обнаруживая в ней безусловно всеобщее в элементах и законах. Вместе с тем она учит объяснять все наглядно данные конкретности – будь то люди, животные или небесные тела – через конечно сущее, т. е. из соответствующих фактически данных явлений выводить будущие возможности и вероятности в таком объеме и с такой точностью, которые превосходят любую связанную с уровнем наглядности эмпирию. Результатом последовательного развития наук в Новое время стала подлинная революция в техническом господстве над природой.

К сожалению (в смысле уже проясняющейся для нас позиции), совсем иной, причем по внутренним основаниям, является методологическая ситуация в науках о духе. Ведь человеческий дух зиждется на человеческой природе. Душевная жизнь каждого человека коренится в телесности, а следовательно, и каждая общность – в телах отдельных людей, являющихся ее членами. Стало быть, если для явлений, входящих в сферу наук о духе, должно быть найдено действительно точное объяснение, и вслед за этим выработана также и достаточно широкоохватная научная практика, как в естественнонаучной сфере, то представителям наук о духе здесь надлежит не просто рассматривать дух как таковой, но направлять свой взор также и к его телесным основаниям и строить свои объяснения с помощью таких точных наук, как физика и химия. Этому, однако, препятствует (и в обозримом времени ничего не может измениться) сложность точных психофизиологических исследований, нужных уже для понимания человека, а тем более больших исторических общностей. Будь мир состоящим из двух, так сказать, равноправных сфер реальности – природы и духа, из которых ни одной не давалось бы предпочтения по отношению к другой методически и предметно, ситуация была бы иной. Однако лишь природу можно изучать саму по себе как замкнутый мир, лишь наука о природе может с твердой последовательностью абстрагироваться от всего духовного и заниматься природой как природой. В то же время ученого, интересующегося только духом как духом, такое последовательное абстрагирование от природы не ведет *vice versa* к замкнутому в себе, чисто духовно организованному «миру», который мог бы стать темой чистой и универсальной науки о духе, параллели чистому естествознанию. Ибо анимальная духовность, духовность «душ» людей и животных, к которой сводятся все прочие проявления духа, неповторимым образом каузально фундирована в телесном. Так и получается, что ученый, интересующийся только духом как таковым, не может выйти за пределы описания истории духа и потому остается привязанным к наглядности конечного. Это видно повсюду. Например, историк не может заниматься Древней Грецией, не учитывая ее физической географии, древнегреческой архитектуры – без учета материала ее строений и т. д. и т. п. Это выглядит вполне убедительно.

А что, если весь изображенный здесь способ мышления основан на роковых предрассудках и именно его воздействие повинно в болезни Европы? Я убежден, что это действительно так, еще я надеюсь показать, что именно в нем лежит источник той уверенности, с которой современный ученый просто отвергает, считая, что не стоит даже пытаться, возможность обоснования чистой, в себе замкнутой всеобщей науки о духе.

В интересах разрешения проблемы Европы стоит здесь пойти поглубже и расшатать основу приведенных выше на первый взгляд убедительных аргументов. Историк, культуровед, специалист в любой сфере наук о духе, конечно, всегда имеет среди своих феноменов и физическую природу, в нашем примере природу Древней Греции. Однако эта природа – не природа в естественнонаучном смысле, а то, что считали природой древние греки, что стояло у них перед глазами как природная реальность окружающего мира. Иначе говоря, исторический окружающий мир греков – это не объективный мир в нашем смысле, но их картина мира, т. е. их собственное субъективное представление со всеми входящими сюда значимыми для них реальностями, среди которых, например, боги, демоны и т. д.

Окружающий мир – это понятие, уместное исключительно в духовной сфере. Что мы живем в нашем нынешнем мире, которым определяются все наши труды и заботы, – это чисто в духе совершающийся факт. Окружающий нас мир – это духовное явление нашей личной и исторической жизни. Следовательно, нет никаких причин тому, кто выбирает темой дух как дух, искать иное, чем чисто духовное, объяснение. И вообще нужно сказать: рассматривать природу окружающего мира как нечто в себе чуждое духу и поэтому подстраивать под науки о духе, желая сделать их якобы точными, естественнонаучный фундамент – абсурдно.

Очевидно, совсем забыто, что естествознание (как и вся наука вообще) представляет собой духовную деятельность, а именно деятельность сотрудничающих ученых; как таковое оно наряду с прочими духовными явлениями относится к кругу фактов, подлежащих духовно научному объяснению. Не бессмыслица ли это и не логический круг, когда историческое явление «естествознание» хотят объяснить естественнонаучным образом, привлекая для этого естественные науки и открытые ими законы, которые сами – часть проблемы, ибо представляют собой духовный продукт?

Ослепленные натурализмом (как бы они ни сражались с ним на словах),

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org представители наук о духе вовсе забыли об этом. Я уже не говорю о постановке проблемы универсальной и чистой науки о духе, о выработке учения о духе именно как духе, которое могло бы проследить необходимо всеобщее всеобщее в его элементах и законах, – все это имело бы своим следствием получение научных объяснений в совершенной, законченной форме.

Эти размышления из области философии духа дают нам верную установку, позволяющую схватить и рассмотреть нашу тему духовной Европы как чистую проблему наук о духе, прежде всего истории духа. Как было обещано вначале, на этом пути должна обнаруживаться замечательная, лишь нашей Европе словно бы врожденная телеология, причем крепчайше внутренне связанная с восстанием или вторжением философии и ее ответвлений – наук в древнегреческом духе. Мы догадываемся уже, что при этом речь пойдет о прояснении глубочайших причин возникновения рокового натурализма, или даже – что, как мы увидим, то же самое – дуализма в интерпретации мира в Новое время. В конечном счете должен обнаружиться подлинный смысл кризиса европейского человечества.

Ставим вопрос: как охарактеризовать духовный образ Европы? Т. е. Европы, понятой не географически, картографически, как если бы европейское человечество нужно было ограничить общностью людей, проживающих на одной территории. В духовном смысле явно относятся к Европе английские доминионы, Соединенные Штаты и т. д., но не эскимосы и индейцы, показываемые на ярмарках, и не кочующие по Европе цыгане. Очевидно, здесь под именем Европы понимается единство духовной жизни, деятельности, творчества со всеми целями, интересами, заботами, усилиями, целевыми институтами и организациями. Отдельные люди действуют здесь в многообразных общностях. различного уровня – семейных, родовых, национальных – все в духовной связи и в единстве духовного образа. Личностям, их объединениям и всем их культурным продуктам придан тем самым характер всеобщей взаимосвязи.

«Духовный образ Европы» – что это такое? Имманентная истории Европы (духовной Европы) – философская идея, или, что то же самое, имманентная ей телеология, которая с универсальной точки зрения человечества вообще осознается как прорыв и начало развития новой человеческой эпохи, эпохи человечества, которое теперь хочет просто жить и может жить, свободно строя свое существование, свою историческую жизнь согласно идеям разума, бесконечным задачам.

Каждый духовный образ стоит, по сути своей, в универсальном историческом пространстве или в особом единстве исторического времени по сосуществованию и последовательности, у него есть история. Прослеживаем ли мы исторические взаимосвязи, отправляясь, как это необходимо, от нас самих и наших наций, историческая преемственность ведет нас все дальше от нас к соседним нациям и так от наций к нациям, от эпох к эпохам. В древности уже от римлян к грекам, к египтянам, персам и т. д.; конца, конечно, нет. Мы оказываемся в первобытной эпохе, и нам не избежать обращения к важной и богатой идеями книге Менгина (Mehring) «Всемирная история каменного века». В этом процессе человечество открывается как единственная, соединенная лишь духовными узами жизнь людей и народов со множеством человеческих типов и типов культуры, постоянно перетекающих друг в друга. Оно как море, в котором люди и народы – мимолетно образующиеся, меняющиеся и вновь исчезающие волны, одни завитые богаче, изощреннее, другие попроще.

Между тем при последовательном углубленном наблюдении мы замечаем новые своеобразные связи и различия. Европейские нации могут быть враждебны друг другу, но они обладают все же своеобразным всепроникающим и преодолевающим национальные различия духовным сродством. Они все равно как сестры и дома в этом кругу сознания. Это сразу проступает, если мы вчувствуемся, например, в индийскую историчность со множеством ее народов и культурных образований. В этом кругу тоже есть единство, подобное семейному родству, но оно нам чуждо. С другой стороны, индийцы нас воспринимают как чужих и только друг друга как своих домашних. Однако нам недостаточно этого по многим уровням релятивизирующего сущностного различия сродства и чуждости – главной категории любой историчности. Историческое человечество делится не всегда единообразно по этой категории. Это видно как раз в нашей Европе. Нечто своеобразное заключается в том, что все прочие человеческие группы воспринимаются как нечто лишь в сравнении с нами, что, если отвлечься от соображений полезности, их мотивом в непрерывном стремлении к духовному самосохранению становится все большая европеизация, тогда как мы, если понимаем сами себя правильно, никогда, например, не индианизируемся. Мне кажется, мы чувствуем (и при всей его неясности это чувство

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org правомерно), что наше европейское человечество обладает врожденной интеллекцией, господствующей в изменениях образа Европы и придающей ему смысл развития к идеальному образу жизни и бытия как к вечному полюсу. Не то чтобы речь здесь шла об одной из известных целенаправленностей, наделяющих спецификой физическое царство органических существ, т. е. о чем-то вроде биологического развития от зародышевой структуры по ступеням к зрелости с последующим старением и умиранием. Зоологии народов, по сути дела, не существует. Они духовные единства, у них – и особенно у европейской сверхнации – нет никакого достигнутого или достижимого зрелого образа как образа закономерно повторяемого. Душевный состав человечества никогда не был завершен, и никогда не будет, и никогда не сможет повториться. Духовный telos[1 – Цель (греч.) – прим. ред.] европейского человечества, в котором заключен особенный telos каждой нации и каждого отдельного человека, лежит в бесконечности, это бесконечная идея, к которой в сокровенности, так сказать, устремлено все духовное становление. Поскольку в ходе развития он был осознан как telos, он становится необходимым и практически, как желаемая цель, в результате чего введена новая, высшая ступень развития, состоящая под водительством нормы, нормативной идеи.

Все это мыслится не как спекулятивная интерпретация нашей историчности, но как выражение подымающегося в беспредпосылочной рефлексии живого предчувствия. Оно и дает нам интенциональное руководство к усмотрению в европейской истории самых значительных взаимосвязей, в прослеживании которых предчувствие обращается в испытанную уверенность. Предчувствие есть эмоциональный указатель пути ко всем открытиям.

Приступим же к изложению. Духовная Европа имеет место рождения. Я имею в виду не географическое, в одной из стран, хотя и это тоже правильно, но духовное место рождения в одной из наций и, соответственно, в отдельных людях и группах принадлежащих этой нации людей. Это древнегреческая нация VII и VI столетий до Р. Х. В ней сформировалась новая установка индивида по отношению к окружающему миру. Следствием ее стало рождение, прорыв совершенно нового рода духовной структуры, быстро развившейся в систематически законченное культурное образование; греки называли его философией. В правильном переводе, в изначальном смысле своем это обозначает не что иное, как универсальную науку, науку о мировом целом, о всеохватном единстве всего сущего. Очень скоро интерес к целому, а следовательно, и вопрос о всеохватном становлении и бытии в становлении стал делиться по отношению к всеобщим формам и регионам бытия, и, таким образом, философия, единая наука, разветвилась на многообразные частные науки.

В возникновении такого рода философии, заключающей в себе все науки, я вижу, как ни парадоксально это может прозвучать, изначальный феномен духовной Европы. При ближайшем рассмотрении, хотя оно будет по необходимости кратким, скоро снимется видимость парадоксальности.

Философия, наука – это название особого класса культурных образований. Историческое движение, принявшее стилевую форму европейской сверхнации, ориентировано на лежащий в бесконечности нормативный образ, не на такой, однако, который можно было бы вывести путем чисто внешнего морфологического наблюдения структурных перемен. Постоянная направленность на норму внутренне присуща интенциональной жизни отдельной личности, а отсюда и нациям с их особенными общностями и, наконец, всему организму соединенных Европой наций. Разумеется, речь идет не о каждом человеке, и эта направленность не полностью реализуется в конституированных интересу субъективными актами личностных образованиях высшей ступени: но она так или иначе им присуща и реализуется как необходимый процесс развития и распространения духа общезначимых норм. А это означает прогрессирующую перестройку всего человечества под влиянием возникших в узком кругу и ставших действительными идейных образований.

Идеи, свойственные человеку смысловые структуры удивительного нового рода, скрывающие в себе интенциональные бесконечности, представляют собой нечто совершенно иное, чем реальные вещи в пространстве, которые, вступая в поле человеческого опыта, тем самым не становятся значимыми для человека как личности. Создав первую концепцию идеи, человек становится совершенно новым человеком. Его духовное бытие вступает на путь постоянного обновления. Сначала это коммуникативное движение: пробуждается новый стиль жизни личности в своем кругу, а в подражании и понимании – соответствующее новое становление. Сначала в рамках движения (а в дальнейшем и помимо него) возникает и распространяется

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org особенное человечество, которое, живя в конечном, стремится к полюсу бесконечности. Одновременно формируется новый способ общественных соединений и новая форма постоянно существующих общностей, духовная жизнь которых несет в себе благодаря любви к идеям, изготовлению идей и идеальному нормированию жизни бесконечность в горизонте будущего: бесконечность поколений, обновляющийся под воздействием идей. Все это происходит сначала в духовном пространстве одной-единственной, греческой нации как развитие философии и философских сообществ. Вместе с тем в этой нации складывается всеобщий дух культуры, влекущий к себе все человечество; так происходит прогрессирующее преобразование в форму новой историчности.

Этот грубый набросок станет полнее и понятнее, если мы проследим историческое происхождение философского и научного человечества и в результате проясним смысл Европы и новый род историчности, выделившийся по способу своего развития из всеобщей истории.

Осветим сперва своеобразие философии, разветвляющейся на новые и новые специальные науки. Рассмотрим ее в противопоставлении прочим, уже у донаучного человечества существовавшим культурным формам: ремеслу, агрикультуре, культуре жилища и т. д. Все это классы культурной деятельности, к ним относятся и методы успешного изготовления продуктов. Вообще же они существовали в окружающем мире и раньше. С другой стороны, продукты науки, когда разработаны успешные методы их получения, имеют совсем другой способ бытия, совсем иную временность. Они не портятся, они непреходящи: создавая их вновь, создают не нечто похожее, в том же роде употребляемое; в любом количестве повторений создается по отношению к одному и тому же человеку и к любому множеству людей тождественное себе то же самое, тождественное по смыслу и значимости. Связанные практическим взаимопониманием люди не могут не воспринять то, что изготовил их товарищ точно таким же способом, как они сами, в качестве тождественного того же, что и их собственное изделие. Одним словом, продукт науки не реальное, а идеальное.

Более того, приобретенное таким образом может как значимое, как истина, как материал служить возможному изготовлению идеальной высшей ступени, и так вновь и вновь. С точки зрения развитого теоретического интереса то, что сперва понимается просто как относительная конечная цель, оказывается переходом ко все новым и новым более высоким целям в бесконечности, обозначаемой как универсальное поле приложения сил, «область» науки. Наука, следовательно, есть не что иное, как идея бесконечности задач, постоянно исчерпывающих конечное и сохраняющих его непреходящую значимость. Последнее же есть тот фонд предпосылок, которые образуют бесконечный горизонт задач как единство всеобъемлющей задачи.

Здесь следует добавить еще кое-что важное. В науке идеальный характер ее единичных продуктов, истин не означает простой возможности воспроизведения с точки зрения чувственной проверки; идея истины в научном смысле (об этом мы будем еще говорить позже) порывает с истиной донаучной жизни. Она желает быть безусловной истиной. В этом заключается бесконечность, придающая любой фактической проверке истины характер относительности, простого приближения; это именно в соотношении с бесконечным горизонтом, в котором истина в себе означает, так сказать, в виде бесконечно дальней точки. Соответственно бесконечность реализуется и в научном понимании «реально сущего», и также в «обще»-значимости для «каждого» как субъекта обосновывающей деятельности; это уже не просто «каждый» в конечном понимании донаучной жизни.

Если учесть эту своеобразную идеальность науки с предполагаемыми в ней многообразными идеальными бесконечностями, то при историческом обзоре бросается в глаза контраст, который мы выразим следующим образом: в историческом горизонте до философии не существовало культурной формы, которая была бы культурной идеей в вышеуказанном смысле, знала бы бесконечные задачи, идеальные вселенные, которые в целом и в своих составляющих, а также и в методах деятельности заключали бы в себе смысл бесконечности.

Вненаучная, еще не затронутая наукой культура является задачей и продуктом человека в конечном. Бесконечный горизонт, в котором он живет, не замкнут, его труды и цели, достижения и деятельность, его личные, групповые, национальные, мифологические мотивации – все осуществляется в конечном, обозримом окружающем мире. Здесь нет бесконечных задач, идеальных достижений, бесконечность которых сама становится полем приложения сил, причем так, что сознанию трудящегося оно как раз и представляется способом бытия такого бесконечного поля задач.

Однако с появлением греческой философии и ее первым формоопределением в последовательной идеализации нового смысла бесконечности происходит в этом смысле далеко идущее преобразование, которое в конце концов вовлекает в свой круг все идеи конечного, а потому всю духовную культуру и ее человечество. У нас, европейцев, теперь много бесконечных идей (если позволено так выразиться) и вне философско-научной сферы, однако аналогичным характером своей бесконечности (бесконечные задачи, цели, проверки, истины, «истинные ценности», «подлинные блага», «абсолютно» значимые нормы) они обязаны преобразованию человечества философией с ее идеальностями. Научная культура под знаком бесконечности означает также революционизирование всей культуры, революционизирование всего культуротворящего способа существования человечества. Она означает также революционизирование историчности, которая теперь есть история исчезновения конечного человечества в становлении человечества бесконечных задач.

Здесь мы сталкиваемся с тем очевидным возражением, что философия, наука греков, не есть нечто в себе исключительное и лишь с ними впервые пришедшее в мир. Они же сами рассказывали о мудрых египтянах, вавилонянах и т. д. и фактически многому от них научились. Мы располагаем сегодня множеством работ об индийской, китайской и т. д. философиях, где они ставятся на одну доску с греческой и понимаются просто как исторически различные образования в рамках одной и той же идеи культуры. Естественно, нет недостатка в сходствах. Однако за чисто морфологической общностью нельзя позабывать об интенциональных глубинах и пренебречь наисущественнейшими принципиальными различиями.

Прежде всего уже установка философов той и другой стороны, универсальная направленность их интересов в корне различны. Можно тут и там констатировать интерес к постижению всего мира, который в обоих вариантах, т. е. и в индийских, китайских и прочих философиях, ведет к универсальному познанию мира, причем повсюду выражается в форме профессионального жизненного интереса и в силу вполне очевидной мотивации ведет к организации профессиональных сообществ, где от поколения к поколению передаются и соответственно развиваются всеобщие результаты. Но только лишь у греков мы видим универсальный («космологический») жизненный интерес в новой, по сути дела, форме «теоретической» установки, проявившийся по внутренним причинам в новой форме общности философов, ученых (математики, астрономы и т. д.). Это люди, трудящиеся не индивидуально, но сообща, связанные совместной работой; цель их упорных стремлений – *theoria* и только *theoria*, рост и постоянное совершенствование которой благодаря расширению круга сотрудничающих и следованию поколений ученых сознательно рассматривается как бесконечная и универсальная задача. Теоретическая установка исторически возникла у греков.

Под установкой, вообще говоря, понимается привычно устойчивый стиль волевой жизни с заданностью устремлений, интересов, конечных целей и усилий творчества, общий стиль которого тем самым также предопределен. В этом пребывающем стиле как в нормальной форме разворачивается любая определенная жизнь. Конкретные исторические содержания изменяются в относительно замкнутой историчности. Человечество (соответственно и закрытые сообщества, как нация, род и т. д.) в своей исторической ситуации всегда живет в какой-либо установке. Его жизнь всегда характеризуется каким-то нормальным стилем, в котором складывается постоянство историчности или развития.

Следовательно, теоретическая установка во всей ее новизне, будучи соотнесенной с предшествовавшей, считавшейся нормальной, предполагает переориентацию, смену установки. Универсальное наблюдение историчности человеческого существования во всех его формах общности на всех исторических ступенях показывает, что, по сути дела, первой в себе оказывается одна определенная установка, т. е. первая историчность определяется неким нормальным стилем человеческого существования (выражаясь формально всеобщим языком), в рамках которого любой фактически нормальный стиль культуротворчества при всех своих взлетах, падениях или стагнации остается формально тем же самым. Мы говорим в этой связи о естественной установке, об установке изначально естественной жизни, о первой изначально естественной форме культур – высших и низших, развивающихся или стагнирующих. Все другие установки поэтому по отношению к естественной предполагают факт смены установки. Говоря конкретнее, в одной из исторически фактических человеческих общностей, существующих в естественной установке, в силу конкретных внутренних и внешних обстоятельств в некий момент времени должны сложиться мотивы, побуждающие сначала отдельных индивидов и группы внутри этой

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org
общности к смене установки.

Какова же эта по сути своей изначальная установка, характеризующая исторически фундаментальный способ человеческого существования? Мы отвечаем: как это самоочевидно, будучи рожденными, люди живут в общностях семейных, родовых, национальных; последние, в свою очередь, расчленены грубее или детальнее – на особенные сообщества. Естественная жизнь характеризуется при этом как наивная именно благодаря своей вжитости в мир – в мир, который всегда определенным образом осознан как наличествующий универсальный горизонт, но не тематизирован. Тематизировано то, к чему человек обращен, на что он направлен. Жизнь бодрствующего – это всегда направленность на что-то, как на цель или средство, на важное или неважное, на интересное или безразличное, на приватное или общественное, на предписанное повседневностью или возбуждающее новое. Все это умещается в горизонте мира, нужен, однако, особый мотив, чтобы все это, схваченное в такой вот жизни мира, в результате перемены установки стало само для себя темой, привлекло к себе устойчивый интерес.

Об этом стоит поговорить подробнее. Отдельные люди, переменявшие установку, и дальше сохраняют как члены универсальной жизненной общности (своей нации) свои естественные интересы, каждый – свой индивидуальный; они не могут их просто утратить, т. е. перестать быть самими собой, тем, кем они являются от рождения. При любых обстоятельствах смена установки может быть лишь временной; привычной, значимой на протяжении всей последующей жизни она может стать лишь в форме безусловного волевого решения периодически однако на внутренне связанные между собой промежутки времени – возобновлять ту же самую установку; свойственный ей новый род интересов будет благодаря интенциональной преемственности, связывающей эти дискретные моменты, сохраняться как значимый и действенный и реализовываться в соответствующих продуктах культуры.

Подобное можно наблюдать и в профессиональных занятиях в изначально естественной жизни культуры, где имеется периодическая профессиональная временность, пронизывающая остальную жизнь с ее конкретной временностью (рабочие часы служащих etc.).

Возможны только два случая. С одной стороны, интересы новой установки могут служить естественным жизненным интересам, или, что, в сущности, то же самое, интересам естественной практики; тогда новая установка сама оказывается практической. Она может быть осмыслена как близкая практической установке политика, который, будучи функционером нации, ориентирован на всеобщее благо, следовательно, хочет служить всеобщей (а опосредованно и своей собственной) практике. Все это относится, конечно, к области естественной установки, которая существенно дифференцирована по отношению к различным типам членов общности; на деле для правящих она оказывается иной, чем для «граждан»; разумеется, тех и других надо понимать в самом общем смысле. Аналогия эта в любом случае позволяет понять, что универсальность практической установки, здесь направленной на целый мир, ни в коем случае не должна означать заинтересованности и включенности во все частности и единичные структуры внутри мира, что было бы, конечно, немыслимым.

Наряду с практической установкой высшего уровня существует еще одна существенная возможность изменения всеобщей естественной установки (с которой мы вскоре ознакомимся на примере религиозно-мифической установки), а именно: теоретическая установка; она названа так заранее, ибо в ней в ходе естественного развития вырастает философская теория, становящаяся, собственно, целью или полем интереса. Теоретическая установка, хотя тоже является профессиональной установкой, целиком и полностью непрактична. Она основывается, следовательно, на волевом *Erosche*[2 – воздержание (греч.) – прим. ред.] по отношению ко всей естественной, в том числе и высокого уровня, практике в рамках своей собственной профессиональной жизни.

Нужно отметить, что здесь не идет речь об окончательном «отгораживании» теоретической жизни от практической, т. е. о расчленении конкретной жизни теоретика на две не соединенные друг с другом самоутверждающиеся жизненные преемственности, что в социальном смысле означало бы возникновение двух духовно несоединимых культурных сфер. Тем более что возможна еще третья форма (наряду с фундированной естественной религиозно-мифической установкой, с одной стороны, и теоретической установкой – с другой), а именно: осуществляющийся на переходе от теоретической к практической установке синтез обоих интересов – такой синтез,

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org где сформировавшаяся в замкнутом единстве и воздерживающаяся от всякой практики *theoria* (универсальная наука) призывается (и в теоретическом смысле сама определяет свое призвание) к новой службе человечеству, изначально живущему и продолжающему жить в конкретности своего существования. Это происходит в форме новой практики – универсальной критики всей жизни и всех жизненных целей, всех порожденных жизнью человечества культурных образований и систем культуры, тем самым критики самого человечества и руководящих им, отчетливо или неотчетливо выраженных ценностей; в ходе развития эта практика должна силой универсального научного разума привести человечество к нормам истины во всех ее формах, сделать его человечеством, вплоть до основания новым, способным на основе абсолютных теоретических воззрений к абсолютной ответственности перед самим собой. Однако этому синтезу теоретической универсальности и универсально ориентированной практики предшествует, по-видимому, другой синтез теории и практики, а именно использование частных результатов теории, результатов, отправших от универсального теоретического разума в специализацию частных наук в практике естественной жизни. Здесь изначально естественная и теоретическая установка оказываются связанными в конечном.

Для углубленного понимания греческо-европейской науки (вообще говоря, философии) в ее принципиальном отличии от равноценных восточных философий необходимо теперь рассмотреть и объяснить как религиозно-мифическую ту универсальную практическую установку, которую вырабатывала каждая предшествующая европейской науке философия. Это известный факт – и необходимость его, по сути дела, ясна, – что религиозно-мифические мотивы и религиозно-мифическая практика были свойственны – до возникновения и воздействия греческой философии, а тем самым и научного мировоззрения каждому естественно живущему человечеству. Мифо-религиозная установка заключается в том, что мир тематизируется как целостность, а именно тематизируется практически; под миром понимается здесь, естественно, конкретно-традиционно данным человечеством (или нацией) представляемый мир, мир мифической апперцепции. К мифо-религиозной установке заранее относятся не только люди и животные и прочие дочеловеческие и доживотные существа, но и сверхчеловеческие. Взгляд, охватывающий их как единство, практичен, но не в том смысле, что человек, для которого в его естественном проживании актуальны и важны лишь особенные реальности, вдруг осознал бы, что для него все одновременно стало равно практически релевантным. Однако, поскольку весь мир считается управляемым мифическими силами, и от способа их действия зависит, прямо или опосредованно, судьба человека, универсально-мифическое видение мира оказывается, пожалуй, побужденным практикой, а затем и само практически заинтересованным. К этой религиозно-мифической установке понуждаются, разумеется, представители жречества, сохраняющего единство религиозно-мифических интересов и их традиции. В нем возникает и распространяется глубоко запечатленное в языке «знание» о мифических силах (в самом прямом смысле лично прочувствованных). Оно как бы само собой принимает форму мистической спекуляции, которая, выступая как наивно убедительная интерпретация, перестраивает сам миф. При этом, разумеется, не упускается из виду и остальная, управляемый мифическими силами мир, и все относящиеся к нему человеческие и дочеловеческие существа (которые, впрочем, не тверды в своем самосущностном бытии и открыты воздействию мифических моментов), как они сами управляют событиями этого мира, как включают сами себя в единый порядок высшей власти, как сами, в единичных функциях и функционерах, творчески, деятельно ловят предназначенную ими самим себе судьбу. Все это спекулятивное знание ставит себе целью служение человеку в его человеческих целях, чтобы возможно счастливее построил он свою мирскую жизнь, чтобы мог оборониться от болезни, всякого рода судьбы, нужды и смерти. Понятно, что в этом мифо-практическом созерцании и познании мира могут иногда выступать представления о фактическом мире, каким он выглядит для научного опытного знания, и эти представления могут в дальнейшем быть использованы наукой. Однако в своей собственной смысловой связи они суть и остаются мифо-практическими, и это искажение, извращение смысла, когда человек, воспитанный в духе созданного в Греции и развитого в новое время научного образа мышления, начинает говорить об индийской и китайской философии и науке (астрономия, математика), а следовательно, по-европейски интерпретирует Индию, Вавилон, Китай.

От универсальной, но мифо-практической установки резко отличается в любом указанном смысле непрактическая «теоретическая» установка, установка *thaumazein*, из которой гиганты первого кульминационного периода греческой философии – Платон и Аристотель – выводили начало философии. Человека охватывает страсть к созерцанию и познанию мира, свободная от всяких практических интересов, и в замкнутом кругу познавательных действий и посвященного ей времени преследуется и

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org творится не что иное, как чистая *theoria*. Другими словами, человек становится незаинтересованным наблюдателем, озирающим мир, он превращается в философа; или скорее жизнь его мотивируется новыми, лишь в этой установке возможными целями и методами мышления, и в конце концов возникает философия – и он сам становится философом.

Конечно, рождение теоретической установки, как и все исторически ставшее, имеет свою фактическую мотивировку в конкретной связи исторических событий. Стоит в этой связи разъяснить, как в способе существования и жизненном горизонте греков VII столетия, в их взаимоотношениях с громадными нациями окружающего мира, могло установиться и укорениться сперва в отдельных умах то самое *thaumazein*. [3 – Удивление (греч.) – прим. ред.] Мы не будем всматриваться в детали, нам важнее понять способ мотивировки, осмысления и созидания смысла, который путем простого изменения установки, т. е. через *thaumazein*, привел к теории – исторический факт, который, однако, должен иметь свою сущностную природу. Следует также разъяснить, как первоначальная *theoria* из полностью «незаинтересованного» (протекающего под знаком *erosche* от всякого практического интереса) созерцания мира стала теорией собственно науки превращение, опосредованное различием *doxa* [4 – Мнение (греч.) – прим. ред.] и *episteme*. [5 – Знание (греч.) – прим. ред.] Возникающий теоретический интерес, то самое *thaumazein* – конечно, модификация любопытства, изначально место которого в естественной жизни и которое объяснимо как участие в «жизни всерьез», как проявление изначально выработанного интереса к жизни или как развлечение зрелищем, когда все прямые жизненные потребности удовлетворены или истекли часы службы. Любопытство (здесь не обыкновенный «порок») – это уже обращение, интерес, отстраняющийся от эмпирических интересов, пренебрегающий ими.

Ориентированный таким образом, он обращается сперва к многообразию наций, собственной и чужих, каждая со своим собственным окружающим миром, который – с его традициями, богами, демонами, его мифическими силами – считается просто самоочевидным реальным миром. В этом удивительном контрасте возникает различие представления о мире и реального мира и встает новый вопрос об истине – не об увязанной с традицией истиной повседневности, но об истине общезначимой, тождественной для всех, кто не ослеплен традиционализмом, об истине самой по себе. Теоретическая установка философа предполагает также, что он с самого начала твердо решает сделать свою будущую жизнь универсальной жизнью, смысл и задача которой – *theoria*, бесконечное надстраивание теоретического познания.

В отдельных личностях, таких, как Фалес и другие, возникает новое человечество – люди, которые профессионально созидают философскую жизнь, философию как новую форму культуры. Понятно, что вскоре возникает соответствующий новый тип обобществления. Это идеальное образование *theoria* – незамедлительно воспринимается и перенимается путем обучения и подражания. Дело скоро идет к совместной работе и взаимопомощи посредством критики. Даже посторонние, нефилософы обращают внимание на необычные дела и стремления. В попытках понимания они либо сами превращаются в философов, либо, если они слишком связаны профессиональной деятельностью, – в посредников. Таким образом, философия распространяется двояко: как ширящееся сообщество философов и как сопутствующее образовательное общественное движение. Здесь, однако, коренится впоследствии роковой внутренний раскол единой нации на образованных и необразованных. Конечно, эта тенденция не ограничивается пределами родной страны. В отличие от прочих культурных явлений это движение не связано с почвой национальной традиции. Даже представители других наций учатся понимать и участвуют в мощном преобразовании культуры, исходящем от философии. Но именно об этом нужно сказать подробнее.

Философия, распространяющаяся в форме исследования и образования, оказывает двоякого рода духовное воздействие. С одной стороны, самое важное в теоретической установке философского человека – это подлинная универсальность критической позиции, решимость не принимать без вопросов ни одного готового мнения, ни одной традиции, чтобы одновременно вопрошать всю традиционно заданную вселенную об истине самой по себе, об идеальности. Но это не только новая познавательная позиция. Благодаря требованию подчинить всю эмпирию идеальным нормам, а именно нормам безусловной истины, скоро происходят далеко идущие перемены в совокупной практике человеческого существования, следовательно, во всей культурной жизни; она должна теперь удовлетворять нормам объективной истины, а не традиции и наивного опыта повседневности. Так идеальная истина становится абсолютной ценностью, влекущей за собой – при посредстве

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org образовательного движения и в постоянстве воздействии при воспитании детей – универсально преобразованную практику. Стоит только поразмыслить над способом этого преобразования, как обнаруживается неизбежное: если идея истины самой по себе становится универсальной нормой всех бывающих в человеческой жизни относительных истин, действительных и возможных ситуационных истин, то это касается и всех традиционных норм, норм права, красоты, целесообразности, ценности личности властителей, ценности человеческих характеров etc.

Так возникает, следовательно, параллельно с созданием новой культуры особое человечество и особое жизненное призвание. Философское познание мира дает не только эти своеобразные результаты, но и человеческое отношение, скоро проявляющееся во всей прочей практической жизни со всеми ее потребностями и целями – целями исторической традиции, в которую человек включен, значимыми лишь в ее свете. Возникает новое, внутреннее сообщество, мы могли бы сказать, сообщество чисто идеальных интересов – сообщество людей, живущих философией, соединенных преданностью идеям, которые не только всем полезны, но и всем равно принадлежат. Неизбежно вырабатывается и особого рода продукт сообщества – результат совместной работы и критической взаимовыручки – чистая и безусловная истина как общее достояние. Далее – через понимание того, чего здесь ищут и к чему стремятся, – неизбежно проявляется тенденция к размножению интереса, т. е. тенденция включения в сообщество философствующих все новых еще не философствовавших людей. Сперва все это происходит внутри своей нации. Распространение не может идти исключительно в форме профессионального научного исследования; оно идет гораздо дальше профессиональных кругов как образовательное движение.

Каковы же последствия этого движения, захватывающего все более широкие круги нации, естественно, высшие, властвующие, менее озабоченные преодолением жизненных трудностей? Конечно, оно не просто ведет к равномерному преобразованию нормальной, в целом удовлетворительной национальной и государственной жизни, но с вероятностью порождает крупные внутренние расколы, в результате чего жизнь эта и национальная культура в целом оказываются на переломе. Последователи консервативной традиции и философские круги вступают в борьбу друг с другом, и, конечно, борьба эта отражается в сферах политической власти. Преследования начинаются при самом возникновении философии. С теми, кто предан идеям, обходятся дурно. И все же идеи сильнее эмпирических властей.

Здесь следует также принять в расчет, что философия, выросшая из универсальной критической установки по отношению ко всему традиционно данному, в своем распространении не затрудняется никакими национальными границами, должна быть лишь способностью к универсальной критической установке, что, конечно, предполагает относительно высокую донаучную культуру. Так воспроизводится раскол национальной культуры в первую очередь потому, что развивающаяся универсальная наука становится общим достоянием до того чуждых друг другу наций и единство научного и образовательного сообществ пронизывает собой большинство наций.

Нужно добавить еще кое-что важное касательно отношения философии к традициям. Две возможности должны быть учтены. Либо традиционно важное должно быть выброшено целиком, либо его содержание будет переято философией и переформировано в духе философской идеальности. Исключительный случай представляет собой религия. Я не хотел бы причислять сюда «политеистические религии». Боги во множественном, мифические владыки любого рода – это объекты среды, столь же действительные, как животные или люди. В понятии Бога важно единственное число. С человеческой же стороны ему свойственно быть переживаемым – в его бытийной и ценностной значимости – как внутренне абсолютно обязательное. И совсем недалеко до смешения этой абсолютности с абсолютностью философской идеальности. В общем процессе идеализации, исходящем от философии, Бог, так сказать, логизируется, превращается в носителя абсолютного логоса. Впрочем, логическое мне хотелось бы видеть уже в том, что религия посредством теологии ссылается на самоочевидность веры как подлинного и глубочайшего способа обоснования истинного бытия. Ну, а национальные боги всегда и несомненно налицо, как реальные факты окружающего мира. Перед философией не ставятся вопросы критики познания, вопросы самоочевидности.

В основном, хотя и схематично, здесь обрисована историческая мотивация, объясняющая, как пара греческих чудаков смогла начать процесс преобразования человеческого существования и культурной жизни в целом сначала своей собственной и ближайших соседних наций. Однако теперь видно, что из этого могла возникнуть

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org сверхнациональность совсем нового рода. Конечно, я имею в виду духовный образ Европы. Теперь есть не только соседство различных наций, воздействующих друг на друга лишь в торговой и вооруженной борьбе; новый, порожденный философией и ее отдельными науками дух свободной критики, ориентированный на бесконечные задачи, владеет человечеством, творит новые, бесконечные идеалы! Есть идеалы отдельных людей в каждой нации, есть идеалы самих наций. Но в конце концов существуют и бесконечные идеалы все расширяющегося синтеза наций, синтеза, в который каждая из соединенных наций вкладывает лучшее, что у нее есть, приобретенное благодаря стремлению в духе бесконечности ставить собственные идеальные задачи. Так, даруя и принимая, сверхнациональное целое со всеми своими социумами разного уровня восходит все выше, исполненное духом безмерной, расчлененной на множество бесконечностей задачи. В этой идеально ориентированной социальности сама философия продолжает выполнять ведущую функцию и решать свою собственную бесконечную задачу – функцию свободной и универсальной теоретической рефлексии, охватывающей также все идеалы и всеобщий идеал, т. е. универсум всех норм. Философия должна всегда выполнять в европейском человечестве свою функцию – архонта всего человечества.

II

Теперь, однако, должны быть высказаны тревожащие сомнения и опасения, внушаемые, как мне кажется, модными предрассудками с их фразеологией.

Разве, как здесь говорилось ранее, реабилитация рационализма, просвещенчества, интеллектуализма, погрязших в чуждом миру теоретизировании, с их неизбежными печальными последствиями – манией образовательства, интеллектуальным снобизмом, – разве все это не выглядит неуместным как раз в наше время? Не означает ли это стремления вновь впасть в роковое заблуждение относительно мудрости человеческой науки, относительно ее предназначения – создать осознавшее свою судьбу и самоудовлетворенное человечество? Кто бы принял сегодня всерьез такие соображения?

Этот упрек, конечно, в определенной степени правомерен по отношению к этапу европейского развития с XVII по конец XIX в. Однако суть моих рассуждений остается им не затронутой. Мне кажется, что я, предполагаемый реакционер, гораздо радикальнее и гораздо революционнее, чем те, кто сегодня столь радикален на словах.

Я также уверен в том, что кризис Европы коренится в заблуждениях рационализма. Однако это не означает, что рациональность во зло как таковая или что она играет подчиненную роль по отношению к целостности человеческого существования. Рациональность в том подлинном и высоком смысле, в котором мы ее и понимаем – зародившаяся в Греции и ставшая идеалом в классический период греческой философии, – разумеется, нуждается в рефлексивных прояснениях, но именно она призвана в зрелом виде руководить развитием. С другой стороны, мы охотно признаем (и немецкий идеализм сделал это гораздо раньше нас), что форма развития *ratio*, сложившаяся в рационализме эпохи Просвещения, предполагала собой заблуждение, хотя и заблуждение вполне понятное.

Разум – широкое понятие. Согласно хорошему старому определению, человек разумное существо, и в этом широком смысле папуас тоже человек, а не животное. Он ставит себе цели и ведет себя разумно, обдумывая практические варианты. Новые результаты и методы включаются в традицию, будучи понятыми именно в их рациональности. Однако если человек, и даже папуас, представляет собой новую по сравнению с животными ступень одушевленности, то философский разум является новой ступенью человечества и его разума. Ступень человеческого существования идеального нормирования бесконечных задач, ступень существования *sub specie aeterni* [6 – С точки зрения вечности (лат.) – прим. ред.] возможна лишь в абсолютной универсальности, именно в той, что с самого начала заключена в идее философии. Универсальная философия с отдельными науками представляет собой, конечно, частичное явление европейской культуры. Смысл всего моего доклада заключается, однако, в том, что часть эта представляет собой, так сказать, распоряжающийся мозг, от нормального функционирования которого зависит подлинная здоровая европейская духовность. Человечеству высшей гуманности или разума нужна поэтому подлинная философия.

Но в этом-то и заключается опасность! Философия... Нам, пожалуй, следует отделять

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org философию как исторический факт своего времени от философии как идеи, идеи бесконечной задачи. Любая исторически действительная философия это более или менее удавшаяся попытка воплотить руководящую идею бесконечности и даже универсальности истин. Практические идеалы, созерцаемые как вечные полюсы, от которых человек не смеет отклониться всю свою жизнь без чувства вины и раскаяния, – в их созерцании, конечно, недостает ясности и отчетливости, они предвосхищаются в многозначной всеобщности. Определенность возникает лишь в конкретном понимании и по крайней мере относительно удавшегося дела. Тут постоянная угроза впадения в односторонность и преждевременного успокоения, мстящего позднейшими противоречиями. Отсюда и контраст между великими претензиями философских систем, в то же время не совместимых друг с другом. К этому добавляется необходимость и одновременно опасность специализации.

Так, односторонний рационализм, конечно, может стать во зло. Можно сказать – и это следует из самой сущности разума, – что философы могут понимать и обсуждать свою бесконечную задачу сперва лишь в абсолютно неизбежной односторонности. Само по себе это не извращение, не ошибка, ибо, как сказано, на прямом и необходимом их пути можно видеть только одну сторону задачи, сперва не замечая, что сама бесконечная задача теоретического познания всего сущего имеет и другие стороны. Если неясности и противоречия свидетельствуют о несовершенстве, то здесь начало универсальной рефлексии. Философ должен, следовательно, постоянно ориентироваться на истинный и полный смысл философии, на единство ее бесконечных горизонтов. Ни одно направление исследования, ни одна частная истина не должна изолироваться и абсолютизироваться. Только в этом высшем самосознании, которое само становится ветвью бесконечной задачи, может философия исполнить свою функцию верной ориентации самое себя, а тем самым подлинного человечества. Понимание этого также принадлежит сфере философского познания на уровне высшей саморефлексии. Лишь в силу этой постоянной рефлексии философия приходит к универсальному познанию.

Я сказал: путь философии лежит через наивность. Это именно тот пункт, на который направлена критика столь модного иррационализма, пункт, в котором обнаруживается наивность того рационализма, который отождествлен с философской рациональностью вообще, который характеризует, конечно же, начиная с Ренессанса, всю философию Нового времени и считается подлинным, значит, универсальным рационализмом. В этой вначале неизбежной наивности застряли все, и даже начавшие свое развитие еще в древности науки. Выразимся яснее: самое общее имя этой наивности – объективизм, проявляющийся в различных формах натурализма, в натурализации духа. Старые и новые философии были и остаются наивно объективистскими. Справедливости ради нужно добавить, что вышедший из Канта немецкий идеализм страстно стремился преодолеть ставшую уж чересчур явной наивность, не умея, однако, достигнуть той решающей для нового образа философии и европейского человечества ступени высшей рефлексии.

Я могу лишь в общих чертах объяснить сказанное. Естественный человек (скажем, дофилософской эпохи) во всех своих делах и заботах ориентирован на мир. Поле его жизни и деятельности – это пространственно-временной окружающий его мир, в который он включает и самого себя. То же справедливо и для теоретической установки, которая сперва не может быть ничем иным, как установкой неучаствующего наблюдателя мира, который при этом демифологизируется. Философия видит мир как универсум сущего, и мир превращается в объективный мир, противостоящий представлениям о мире (различным, национально и субъективно обусловленным), истина становится, следовательно, объективной истиной. Философия начинается поэтому как космология; сначала она направляет теоретический интерес на телесную природу, и это будто бы разумеется само собой – ведь все данное в пространстве и времени в любом случае, пусть даже в скрытых основаниях, имеет формулой своего существования телесность. Люди и животные не просто тела, но взгляду, направленному на окружающий мир, они являются как нечто телесно сущее, значит, как реальности, включенные в универсальную пространство-временность. Так что любые душевные явления, явления любого Я – переживание, мышление, желание – характеризуются определенной объективностью. Жизнь сообществ, таких, как семьи, народы и т. п., видится при этом сведенной к жизни отдельных индивидов как психофизических объектов; духовная связь благодаря психофизической каузальности лишается чисто духовной преэминентности, всюду вторгается физическая природа.

Эта установка на окружающий мир предопределила исторический путь развития. Уже беглое обозрение найденной в окружающем мире телесности свидетельствует, что природа есть гомогенное всеобъемлющее целое, так сказать, мир для себя,

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org пронизанный гомогенной пространством временем, поделенный на единичные вещи, равные друг другу как *res extensae* [7 – вещи протяженные (лат.) – прим. ред.] и причинно друг друга обуславливающие. Очень скоро делается первый и величайший шаг открытий: конечность природы, мыслимой как само по себе объективное – конечность вопреки явной ее неограниченности, – оказывается преодоленной. Открыта бесконечность сперва в форме идеализации величин, мер, чисел, фигур, прямых, полюсов, плоскостей и т. д. Природа, пространство, время в идеальности простираются в бесконечность и в идеальности бесконечного делимы. Из землемерного искусства рождается геометрия, из искусства счета – арифметика, из повседневной механики – математическая механика и т. д. Наглядные природа и мир превращаются в математический мир, мир математического естествознания, причем это происходит без сознательного формулирования гипотез. Древность подала пример: одновременно с математикой были впервые открыты бесконечные идеалы и бесконечные задачи. Это стало на все позднейшие времена путеводной звездой науки.

Но как воздействовал опьяняющий успех открытия физической бесконечности на научное овладение сферой духа? В твердо объективистской установке на окружающий мир все духовное казалось приложенным к физическим телам. Недалеко было до перенесения естественнонаучного образа мышления, что мы и находим уже в началах демокритовского материализма и детерминизма. Но великие мыслители устали от этого так же, как любой психофизики в новом стиле. Со времен Сократа человек становится темой как личность, в его специфической человечности, в духовной жизни сообщества. Он остается включенным в объективный мир, ставший величайшей темой Платона и Аристотеля. Здесь чувствуется удивительное противоречие: человеческое принадлежит миру объективных фактов, но как личности Я, люди ставят цели и задачи, располагают традиционными нормами и нормами истины, т. е. вечными нормами. Развитие ослабло в древности, но не прекратилось. Совершим скачок в так называемое Новое время. С бурным воодушевлением воспринимается бесконечная задача математического познания природы и вообще познания мира. Грандиозные успехи естествознания должны теперь использоваться на благо познания духа. Разум доказал свою мощь в природе. «Как Солнце есть единое все освещающее и согревающее Солнце, так и разум един» (Декарт). Методами естественных наук должны быть раскрыты и тайны духа. Дух реально, объективно существует в мире и как таковой функционирует в телесности. В результате понимание мира сразу и повсеместно обретает дуалистическую, а именно психофизическую форму. Та же самая причинность, но в двух формах охватывает единый мир, смысл рационального объяснения повсюду один и тот же, но при этом любое объяснение духа, если оно должно быть единственным, а потому универсально философским, приводит к физике. Не может быть чистого, в себе замкнутого объясняющего исследования духа, чистой, на внутреннее ориентированной, исходящей из Я, из самопережитого психического и устремляющейся к чужой душе психологии или теории духа; нужно идти кружным путем, путем физики и химии. Все излюбленные речи о духе общности, народной воле, об идеалах, политических целях наций и т. п. – все это романтика и мифология, возникшая путем аналогического перенесения понятий, которые имеют надлежащий смысл лишь в сфере единично личностного. Духовное бытие фрагментарно. На вопрос об источнике всех наших проблем нужно ответить: этот объективизм или это психофизическое мировоззрение есть вопреки своей кажущейся самоочевидности наивная односторонность, оставшаяся непонятой как таковая. Реальность духа как якобы реальных придатков к телам, его якобы пространственно-временное бытие внутри природы – бессмыслица.

Теперь применительно к нашей проблеме кризиса нужно показать, как случилось, что в течение столетий столь гордое своими теоретическими и практическими достижениями «Новое время» само в конце концов почувствовало растущую неудовлетворенность, так что его ситуация должна восприниматься как критическая. Все науки в затруднении, в конечном счете это трудности метода. Однако наши европейские проблемы касаются, даже не будучи понятыми, очень многих.

Все эти проблемы вытекают исключительно из наивности, о которой объективистские науки то, что они называют объективным миром, считают за универсум всего сущего, не замечая при этом, что двигающая науку субъективность не находит себе места ни в одной из объективных наук. Воспитанный в естественнонаучном духе сочтет само собой разумеющимся, что все субъективное должно исключаться, и что естественнонаучные методы, отражающиеся в субъективных представлениях, объективно детерминированы. Так что и для психического он ищет объективно истинного. При этом предполагается, что исключаемое физиком субъективное именно как психическое будет предметом психологии, разумеется, психофизической

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org психологии. Однако исследователь природы не уясняет себе, что постоянным основанием все же субъективной работы его мысли является окружающий жизненный мир; он постоянно предполагается как почва, поле его деятельности, в котором только и имеют смысл его проблемы и способы мышления. Где был раскритикован и прояснен могущественный метод, ведущий от наглядного окружающего мира к математическим идеализациям и их интерпретации в качестве объективного бытия? Эйнштейновский переворот коснулся лишь формул, при посредстве которых трактуется идеализированная и наивно объективированная природа. Но каким образом формулы вообще, математическое объективирование вообще обретают смысл на почве жизни и наглядного окружающего мира – об этом мы ничего не знаем; так что Эйнштейну не удалось реформировать пространство и время, в которых разыгрывается наша живая жизнь.

Математическое естествознание – это чудесная техника, ведущая к выводам такой силы, такой правдоподобности, детальности и точности, о которой прежде нельзя было и помыслить. Это достижение – триумф человеческого духа. Что же касается рациональности его методов и теорий, то она насквозь релятивна. Уже предполагаемое его основание полностью лишено подлинной рациональности. Поскольку наглядный мир, это просто субъективное, упущен тематикой науки, забытым оказывается сам работающий субъект, и ученый не становится темой. (С этой точки зрения рациональность точных наук попадает в один ряд с рациональностью египетских пирамид.)

Конечно, со времен Канта у нас есть собственная теория познания, с другой стороны, налицо психология, которая с ее претензией на естественнонаучную точность стремится стать всеобщей основной наукой о духе. Однако наша надежда на подлинную рациональность, т. е. на подлинное прозрение, здесь, как и повсюду, не оправдалась. Психологи даже не замечают, что и они сами по себе, как действующие ученые, и их жизненный мир не являются ее темой. Они не замечают, что сами себя заранее неизбежно предполагают в качестве живущих в обществе людей, принадлежащих своему миру и историческому времени, принадлежащих хотя бы потому, что ищут значимую вообще, для каждого, истину – истину саму по себе. По причине этого объективизма психология не может подойти к теме души в присутствии ей собственном смысле, т. е. в смысле деятельного и страдающего Я. Она может, расчленив, объективизировав, свести к жизни тела и индуктивно обработать оценочное переживание и опыт воли, но может ли она сделать то же самое с целями, ценностями, нормами, может она взять своей темой разум, хотя бы как «предрасположенность»? Совсем упущено из виду, что объективизм как результат деятельности исследователя, стремящегося к познанию истинных норм, как раз и содержит эти нормы в своих предпосылках, что он вовсе не выводится из фактов, ибо факты при этом уже предполагаются как истины, а не воображаемое. Конечно, заключающиеся здесь проблемы замечались – так разгорелся спор о психологизме. Однако отказ от психологического обоснования норм, прежде всего норм истины самой по себе, ни к чему не привел. Все настоящее становится потребностью в преобразовании всей психологии Нового времени, но еще не понято, что препятствием является ее объективизм, что она вообще не подступалась к собственной сущности духа, что изоляция объективно мыслимой души и психофизическая трактовка бытия-в-сообществе – суть извращения. Конечно, она работала не напрасно и нашла много также и практически значимых эмпирических правил. Но она представляет собой действительную психологию в столь же малой степени, в какой моральная статистика с ее не менее ценными результатами представляет собой науку о морали.

Повсюду в наше время чувствуется срочная потребность в познании духа, и становится почти невыносимой неясность методических и предметных взаимоотношений наук о духе и природе. Дильтей, один из величайших исследователей духа, употребил всю свою жизненную энергию на прояснение отношений природы и духа, на прояснение природы психофизической психологии, которую, как он считал, необходимо дополнить новой описательной аналитической психологией. Усилия Виндельбанда и Риккерта не принесли, к сожалению, страстно желаемого прозрения. Они, как и все, не вырвались из оков объективизма; тем более новые психологи-реформаторы, полагающие, что всему виной долго властвовавший в умах предрассудок атомизма и новые времена наступят с психологией целостностей. Улучшения не может наступить, пока не понята наивность объективизма, порожденного естественной установкой на окружающий мир, и пока не прорвется в умы понимание извращенного характера дуалистического мировоззрения, где природа и дух должны трактоваться как реальности сходного рода, хотя каузально закрепленные одна на другой. Я совершенно серьезно полагаю: объективной науки о

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org
духе, объективного учения о душе – объективного в том смысле, что оно считает души и сообщества личностей существующими внутри пространственно-временных форм, – никогда не было и никогда не будет.

Дух, и даже только дух, существует б себе самом, и для себя самого, независим, и в этой независимости, и только б ней может изучаться истинно рационально, истинно и изначально научно. Что же касается природы в ее естественнонаучной истине, то она только по видимости самостоятельна, и только по видимости для себя открыта рациональному познанию естественных наук. Ибо истинная природа в ее естественнонаучном смысле есть продукт исследующего природу духа, а следовательно, предполагает науку о духе. Дух по сути своей предназначен к самопознанию, и как научный дух – к научному самопознанию, и далее вновь и вновь. Лишь в чистом духовно-научном познании ученый не заслужит упрека в том, что от него скрыт смысл его собственных усилий. Поэтому науки о духе извращаются в борьбе за равноправие с естественными науками. Лишь только они признают за последними их объективность как самостоятельность, так сами впадают в объективизм. Но в том виде, в каком они существуют сейчас со всеми своими многообразными дисциплинами, они лишены последней, подлинной, добытой в духовном мирозерцании рациональности. Именно отсутствие у всех сторон истинной рациональности и есть источник ставшего невыносимым непонимания людьми своего собственного существования и собственных бесконечных задач. Они неразрывно связаны в единой задаче: лишь когда дух из наивной обращенности вовне вернется к себе самому и останется с самим собой, он может удовлетвориться.

Как было положено начало такого самосознания? Начало было невозможным, пока властвовали сенсуализм, психологизм данных, идеи психики как *tabula rasa*. Лишь Brentano, потребовавший создания психологии как науки об интенциональных переживаниях, дал толчок, который смог привести к дальнейшим результатам, хотя у самого Brentano объективизм и психологический натурализм остались непреодоленными. Разработка действительного метода постижения сущности основы духа в его интенциональности и построения на этой основе бесконечной и последовательной аналитики духа привела к созданию трансцендентальной феноменологии. Натуралистический объективизм и любой объективизм вообще она преодолевает единственно возможным способом, а именно: философствующий начинает от собственного Я, понимаемого чисто как производитель всех смысловых значений, по отношению к которым он становится чисто теоретическим наблюдателем. В этой установке возможно построение абсолютно независимой науки о духе в форме последовательного самопонимания и понимания мира как продукта духа. Дух здесь не в природе или возле нее, но сама она возвращается в сферу духа. Я – это уже не изолированная вещь наряду с другими подобными вещами в заранее готовом мире; личности уже не «вне» друг друга и не «возле», но пронизаны друг-для-друга и друг-в-друге-бытием.

Но об этом здесь говорить невозможно, эту тему не исчерпать ни в каком докладе. Однако, надеюсь, мне удалось показать, что речь идет не об обновлении старого рационализма, который был абсурдным натурализмом, вообще неспособным понять стоящие перед нами духовные проблемы. Ratio, о котором мы рассуждаем, есть не что иное, как действительно универсальное и действительно радикальное самопознание духа в форме универсально ответственной науки, развивающейся в новом модусе научности, где находят себе место все мыслимые вопросы – о бытии, о нормах, о так называемой экзистенции. Я убежден, что интенциональная феноменология впервые превратила дух как таковой в предмет систематического опыта научного изучения и тем самым осуществила тотальную переориентацию задачи познания. Универсальность абсолютного духа охватывает все сущее в абсолютной историчности, в которую включается и природа как духовное образование. Лишь интенциональная, а точнее, трансцендентальная феноменология благодаря своей отправной точке и своим методам – создала свет. Лишь она дала возможность понять, и по глубочайшим основаниям, что представляет собой натуралистический объективизм, и в особенности, почему психология в силу ее натурализма вообще должна была упустить из виду творчество радикальную и сущностную проблему духовной жизни.

III

Подведем же итог наших рассуждений. Так живо обсуждавшийся сегодня, в столь многих симптомах жизненного распада подтвержденный «кризис европейского существования» – это не темный рок, непроницаемая судьба. Он становится понятным

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org и прозрачным на фоне открываемой философией телеологии европейской истории. Однако предпосылкой этого понимания должно стать усмотрение феномена «Европа» в его центральном, сущностном ядре. Чтобы постичь противоестественность современного «кризиса», нужно выработать понятие Европы как исторической телеологии бесконечной цели разума; нужно показать, как европейский «мир» был рожден из идеи разума, т. е. из духа философии. Затем «кризис» может быть объяснен как кажущееся крушение рационализма. Причина затруднений рациональной культуры заключается, как было сказано, не в сущности самого рационализма, но лишь в его овнешнении, в его извращении «натурализмом» и «объективизмом».

Есть два выхода из кризиса европейского существования: закат Европы в отчуждении ее рационального жизненного смысла, ненависть к духу и впадение в варварство, или же возрождение Европы в духе философии благодаря окончательно преодолевающему натурализм героизму разума. Величайшая опасность для Европы – это усталость. Но если мы будем бороться против этой опасности опасностей как «добрые европейцы», с той отвагой, которая не устрашится даже бесконечной борьбы, тогда из уничтожающего пожара неверия, из тлеющего огня сомнения в общечеловеческом завете Запада, из пепла великой усталости восстанет феникс новой жизненности и одухотворенности, возвещающих великое и далекое будущее человечества, ибо лишь дух бессмертен.

Примечания

1

Цель (греч.) – прим. ред.

2

Воздержание (греч.) – прим. ред.

3

Удивление (греч.) – прим. ред.

4

Мнение (греч.) – прим. ред.

5

Знание (греч.) – прим. ред.

6

С точки зрения вечности (лат.) – прим. ред.

7

Эдмунд Гуссерль Кризис европейского человечества и философия filosoff.org
Вещи протяженные (лат.) – прим. ред.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!